

История ВЛКСМ: на перекрестках судеб

256 95 81

С коммунистическим приветом!

ПИСЬМА ИСКРЕННИЕ, ОТКРОВЕННЫЕ ДЕЛОВЫЕ, ЗАБОТЛИВЫЕ. ЗА НИМИ — ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ КОТОРОГО ДЛИНЫЕ ГОДЫ ТВОРИЛИ ИКОНУ.

Е. А. ОСТРОВСКОЙ
(май 1925 года, Харьков)

Дорогая Катя!
Катусь, мне очень и очень больно, что мама сделала такую вещь, как хождение за 250 верст пешком, не написавши мне, что ей нужны те несколько рублей, которые я мог достать ей. Это мне приносило огорчение и так тяжело и за что?

Катусь, я так слаб, знаешь, что весь задрожал, когда прочитал мамино письмо. Да, очень и очень больно. Ведь это только ничем не оправдаемое безумство. Вот так, да это, Катусь, почти одна причина моего письма. Обо всем новом я буду писать. О курорте окончательно 15 мая. Прошел комиссию, назначен заместителем Славянского (где будет работать профессор) в Египатию, на берегу Черного моря. (...)
Твой брат Коля.

А. А. ЖИГИРЕВОЙ
(16 марта 1929 года)

Милая Шуручка!
Я пишу кое-что, что не хотел бы передать писать кому-либо.
Я прошу тебя в своих письмах: ты пиши больше о внутрипартийной жизни, о тех моментах, о которых я не прочту в газетах.

Я уже познакомился отчасти с обстрелом Облстрахкасы «Правдой», и меня очень интересует, какую линию ты занимаешь и занимала в вопросах, обстреливаемых «Правдой».

Либерман судили в Москве. Оказался безданным залпесневельм чиновником. Черт с ним. После чистки партия вздохнет полной грудью, а чистить есть кого. Больше уже месяца 2 нет, все в крас болтают, что совсем старик не приедет, это хороший большевик. Все же я из рук вон плохо связан с парторганизацией. Не моя в этом вина, если бы я, может, подсюсюкивал кое-кому, то и более навещали, но получается наоборот. Есть слабая большевичка здесь — Заженотдел. Бышая батрачка, пользуется в массе большой симпатией, особенно среди работниц. Сключников здесь не обещаться, к сожалению, недружная организация — подсиживает, сплетничает по углам, открыто не имея мужества выступить и указать на недостатки.

Рая вступила в кандидаты. Ходит в партячку. Шлет тебе, хорошей, привет.

Ты знаешь, твоя певичка буквально спасает нас от замерзания. (...) Отвратительная погода. Введены заборные книжки. Вечная неувязка и хаосы. (...)

Р. ЛЯХОВИЧ
(15 мая 1932 года)

Дружочек, Розочка!
Твое письмо прочли. Очень и очень жаль, что ты к нам не приехала. Ждали опять к 1 мая. Новостей у нас особых нет. Здоровье мое после воспаления легких очень и очень плохое. Зверски кашляю, а в груди настоящая гармонь из хрипов. Врачи гонят из Москвы. Страшно тем, что мне не миновать, но все же я задумывалась, как бы перебраться в Сочи на лето. Шумлю почвой. Трудно это, но не невозможно. Я за последние месяцы не писал ничего — нет физической возможности. № 4 журнала «Молодая гвардия» я вышло тебе и Петю. Дергают меня эти редакция. Например, в № 4 без моего согласия и ведома напечатали мое письмо в редакцию с моей автобиографией, напечатав «от автора». Неточно, нехорошо. Потом, несмотря на уговор, назвали «роман», а не «повесть». И много других ошибок и опечаток. Все это от неравильного корректирования, а мне для проверки корректуру не дали. Книга выйдет (если опять не обманут) в августе. Все же победа большая, и если книга будет переведена на украинский язык, я буду рад. Устал писать. Жму руку.

Николай.

Л. А. АЙЗЕНБЕРГУ
(17 сентября 1936 г., Курск)

Уважаемый тов. Айзенберг!
Ваше письмо от 14 сентября с/г получил. Вы предлагаете издать 1 том романа «Рожденные бурей» тиражом в 50.000 экз. и выпустить эту работу в течение месяца. Знаете, Вы мне нравитесь своей энергией и решительностью. Издавать романы такой краткий срок, как Вы предлагаете, может служить образцом для многих центральных издательств.
Никто, и я в том числе, не любит болтунов и волонтичек, которые наговаривают целый ворох, а ничего не делают. Однако я отлежался.
Принципиально я согласен на издание Вами 1 тома «Рожденные бурей». Я дам Вам рукопись, но не сейчас, а немного погодя. Дело в том, что несколько копий рукописи послано мной ряду руководящих работников для отзыва и суровой критики. Ответы я начинаю лишь получать. Поэтому надорвать переменить, чтобы суммировать все замечания и сделать необходимые поправки. Только после того, как рукопись будет признана достойной печати, я пришлю Вам ее (...).
Вы, наверное, сами чувствуете, что у меня с издателями никогда не бывает разногласий.
С коммунистическим приветом,
Н. Островский.

АЙЗЕНБЕРГ Лазарь Львович — заместитель директора издательства «Нурская правда».

ЖИГИРЕВА Александра Алексеевна (1892—1956) — друг Островского, член Коммунистической партии с 1911 года, участница Октябрьской революции в Петроманде. Познакомилась с Н. А. Островским в Сочи в санатории на Старой Мысе в 1928 году. В романе «Как закалялась сталь» А. А. Жигирева выведена под своей фамилией.

ЛЯХОВИЧ Розалия Борисовна. Познакомилась с Н. А. Островским в 1929 году в Сочи, куда приехала лечиться, и до конца своих дней была другом Островского. ОСТРОВСКОЕ Екатерина Алексеевна (1896—1989) — сестра писателя. В последние годы жизни брата помогла в работе. Со дня основания (1937) до последних дней работала директором Музея Н. А. Островского в Сочи.

С апреля 85-го мы открываем все новые и новые страницы нашего прошлого, которое, казалось бы, так хорошо и безмятежно изучили. В разложенных заветных «Историях» по полочкам событий все было ясно, надежно, ясно, надежно, достоверно велело и от «Русско-советской литературы» недавних лет. Вы, и здесь была та полуправда, что хуже обмана.

Николаю Алексеевичу Островскому исполнилось бы сейчас 85 лет. Первый раз его книга «Как закалялась сталь» вышла 55 лет назад.

Наверное, нет таких рукописей, которые на пути к читателю не претерпевали бы изменений. Рукопись повести (так сам Островский просил называть свой труд) «Как закалялась сталь» — не исключение. Какие-то места были явно слабыми, и их вырвали редакторы, часто ссылаясь на нехватку бумаги. Но были и изменения, которые объяснялись весьма просто: исправить «по конъюнктурным соображениям».

Сколько было таких исправлений? Кто их вносил? Чья именно рука убрала из повести Блюхера, Якира, Чаплина, Косарева?

Узнаем ли мы когда-нибудь?

Издательство «Молодая гвардия» совместно с московским и сочинским музеями Николая Островского подготовило собрание сочинений писателя в трех томах. В раздел «Примечания» первого тома, где публикуется «Как закалялась сталь», включены отдельные фрагменты рукописи, не вошедшие в окончательный вариант книги. Большая их часть не публиковалась. Нужны ли нам эти страницы, описанные глазами очевидца 20-е годы, судите сами.

Перед вами два отрывка. Чтобы сохранить целостность повествования, мы использовали и текст (выделен черным), который опубликован в самой книге.

Часть вторая Глава V

(...)
Дубава получил от Цветаева записку: «Митя, выступи сейчас. Правда, это не повернет дела, наше поражение здесь очевидно. Необходимо поправить Туфту. Это ведь дурак и болтуны».

Дубава попросил слова; оно ему было сейчас же дано.

Когда он взошел на сцену, в зале наступила настороженная тишина. Холодом отчуждения повеяло на Дубаву от этого самого обычного перед речью молчания.

Ураган криков обрушился на Дубаву. Слово удары хлыста по щеке, стегнули Дмитрия гневные восклицания: — Позор! — Долой раскольников! — Хватит, довольно обливать грязью! Когда шум улегся, Дубава закончил свою речь: — Да, чтобы это сказать, надо быть смелым человеком, я показываю настоящую погоду. Вы, конечно, с нами раздвигаетесь, но я ничего не боюсь. Ниже товарищам не делают. Я на фронте был — не дрейфил, и теперь тоже не запугаю.

Он ударил себя в грудь кулаком и, решив «сходя, хлопнуть дверью», крикнул: — Да, чтобы это сказать, надо быть смелым человеком, я показываю настоящую погоду. Вы, конечно, с нами раздвигаетесь, но я ничего не боюсь. Ниже товарищам не делают. Я на фронте был — не дрейфил, и теперь тоже не запугаю.

интересы своего класса и революции. Лучший, испытанный отряд нашей партии, славную старую большевистскую гвардию, тех, кто выкопал, воспитал РКП, тех, кого морили по тюрьмам царская деспотия, тех, кто во главе с товарищем Лениным вел беспощадную борьбу с мировым меньшевизмом и Троцким, тех, которые выступили как представители партийного бюрократизма, какую-то особую касту, чем-то вроде «партийных дворян», захвативших власть в партии в свои руки. Кто, как не враг, мог сказать такие слова? Это осталось теперь троцкистам делать? Одно лишь — хватит, круши и руби. Кое-кто из них проговаривается. Об этом писала Юренина. Эта борьба нам показала, что в наших рядах есть люди, готовые в любую минуту взорвать партийное единство, ломать в цепки партийную дисциплину, и которые при каждой трудности поднимают бунт и вносят дезорганизацию. Давайте же откроем настоящее лицо оппозиции.

Разве Цекка партии не записывал в своих речах наличия бюрократизма и интересов своего класса и революции. Лучший, испытанный отряд нашей партии, славную старую большевистскую гвардию, тех, кто выкопал, воспитал РКП, тех, кого морили по тюрьмам царская деспотия, тех, кто во главе с товарищем Лениным вел беспощадную борьбу с мировым меньшевизмом и Троцким, тех, которые выступили как представители партийного бюрократизма, какую-то особую касту, чем-то вроде «партийных дворян», захвативших власть в партии в свои руки. Кто, как не враг, мог сказать такие слова? Это осталось теперь троцкистам делать? Одно лишь — хватит, круши и руби. Кое-кто из них проговаривается. Об этом писала Юренина. Эта борьба нам показала, что в наших рядах есть люди, готовые в любую минуту взорвать партийное единство, ломать в цепки партийную дисциплину, и которые при каждой трудности поднимают бунт и вносят дезорганизацию. Давайте же откроем настоящее лицо оппозиции.

ИСПРАВИТЬ ПО КОНЪЮНКТУРНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ

Странно, А вдруг, увидев знакомую обложку, кто-то уже зевнул и отложил газету в сторону: «Опять этот несгибаемый Павка...»

— Да здравствует Троцкий — вождь Октябрьской революции! Долой аппаратчиков и бюрократов!
Насмешливый хохот провозглашал Дмитрий, когда он сошел со сцены, и этот хохот убивал его. Если бы кричали возмущенно и яростно, это бы его удовлетворяло. Но ведь его осмеяли, как артиста, взявшего фальшивую ноту и сорвавшегося на ней. Слово имеет Школенко, — сказал председательствующий.
«Я отказываюсь от выступления».
С задних рядов прогудел бас Панкратова: — Прошу слова!
(...)
— Товарищи! — твердо открыл это слово Панкратов. Он не взошел на трибуну, а стал у самой ramпы. — Девятый день мы в дискуссионной горячке, ночи напролет просиживали ячейки, многие мы видели и многое мы слышали. Сейчас в городе подошли мы к концу, это у нас предпоследнее заседание. Я отбрасываю в стороны все мелочи, не в наш дело, буду говорить об основном. Вчера мы обсуждали решение Цекка по хозяйственным вопросам. Сорос шесть оппозиционеров в сентябре прошлого года отдали в Цекка свой знаменитый документ, который стал антипартийным знаменем для всех противоборствующих групп и группировок, от осколков рабочей оппозиции до групп демократического централизма. Всю эту разношерстную компанию возглавляли Троцкий и его сторонники. Дубава, видно, хорошо изучил этот документ. И что нам сказали троцкисты? Цекка и большинство партии ведут страну к гибели, а они посланы спасать ее.
— Товарищи! Мы девять дней слушали выступления оппозиционеров. Я скажу прямо: они выступили не как соратники, революционные борцы, наши друзья в классовой борьбе, наши друзья в революции и в борьбе, — их выступления были глубоко враждебные, империрические, злобные и клеветнические. Да, товарищи, клеветнические! Нас, большевиков, попытались выставить сторонниками палочного режима в партии, людьми, предающими

лишнего централизма в некоторых организациях? Разве пятого декабря не были внесены решения о рабочей демократии? Были, и Троцкий голосовал за них. В партии каждому большевику предоставлялась возможность высказать свои взгляды и предложения, устранить недостатки в нашей работе. Оставалось только обсудить все в нашей единой партийной семье и общими силами двинуться вперед, преодолевая трудности.
Что же сделал Троцкий? На другой же день после этого решения, за которое он голосовал и был вполне с ним согласен, он через голову Цекка обратился к партийным массам со своим возмущительным документом. Сейчас же вслед за этим все, какие только были в партии оппозиционные элементы, повели на Цекка бешеную атаку. Вместо здорового обсуждения наших хозяйственных и внутрипартийных недочетов у нас началась внутрипартийная война. Троцкий пытался вооружить молодежь против неразрывного единства. Он и его сторонники пытались оклеветать Цекка и старую гвардию. И большинство партии, возмущенное этой небывалой антипартийной вылазкой, дало оппозиции жестокий отпор по всему фронту. Они клеветают, что мы их зажимаем, но что этому поверит?
(...)
Вслушайтесь в их оскорбительную кличку «аппаратчик». Сколько в нем ненависти! Разве партия и ее аппарат не одно целое? Они говорят молодежи: «Вот аппарат — это ваш враг. Бейте его».
На что это похоже? Так могут говорить развинченные анархисты, а не большевики. Скажите, как бы мы назвали тех, кто натравливал на молодых красноармейцев против командиров и комиссаров, против штаба, и это все во время окружения отряда врагами?
Что же, если я сегодня слышу, то я, по Троцкому, уже могу считаться «парташником»? Но если завтра стану секретарем комитета, то я уже «бюрократ» и «аппаратчик»?

Вы понимаете, к чему приведет троцкистов такая клевета? Они неизбежно станут врагами пролетарской революции.
Наши комитеты были и будут нашими штабами. Мы посылаем в них лучших большевиков и никому не позволим их дискредитировать.
Панкратов перевел дух и вытер рукой потный лоб.
— Что означает требование оппозиции свободы группировок, под которым скрывается свобода фракций внутри партии? Это значит превращение нашей партии в дискуссионный клуб. Это значит — сегодня партия примет решение, а завтра какая-нибудь группа потребует его отмены. Опять дискуссия. То есть мы станем бесплодными.
— Мы — партия действия. Если приняли решение, то все должно приводить его в жизнь. Иначе быть не может. Иначе мы перестанем быть непоколебимой силой. Большевики на свободу группировок не пойдут.
Еще один момент надо отметить. Кого собрал вокруг себя оппозиция? Значительная часть вузовской молодежи. Ее Троцкий назвал барометром, выставил основой партии в то время, когда у нас каждый ребенок знает, что основа партии — это старая гвардия и рабочие у станка.
(...)
Правда, в оппозиции есть рабочие с производства, но ведь факт же, что в борьбе против партии объединились все, кого эта партия била за их методы работы, и какова картина? Дубава, Шумский ведут за собой введенных ими в заблуждение рабочих. (...)
Знаменем оппозиции стал Троцкий. Сколько тысяч раз мы слышали уже от них: «Троцкий — вождь Октября», «Это победитель контрреволюции», «Это старейший вождь нашей партии».
Нас заставляют говорить об этом и высказать раз навсегда роль Троцкого в нашей революции. Не случайно имя товарища Ленина так мало произносится оппозиционерами, когда они говорят об Октябрьском восстании. Нет и Центрального Комитета. Не слышно ни о петро-

— О большевизме Троцкого до Октября пусть скажут старые большевики. Молодежь мало знает об этом. Сейчас, когда имя это противопоставили партии, необходимо, чтобы мы знали всю историю борьбы Троцкого против большевиков, его постоянные перебежки от одного лагеря к другому. Партия должна знать, что создавал против Ленина и большевиков августовский союз всех меньшевистствующих. Об этом должны быть напечатаны книги. Троцкий становится организатором раскола, и мы должны развенчать эту фигуру и показать ее таковой, какова она была и есть на самом деле.
Троцкий не только боролся в Октябрьскую революцию, и партия доверила ему ответственные посты. Партия создала ему авторитет. Она выказала ему величайшее доверие. И если этот человек был когда-либо героем, то это было, когда он шел с нами нога в ногу. Троцкий не был большевиком до Октября, вот почему после революции он забил кривую и во время Бреста, и в профсоюзной дискуссии, и, наконец, сейчас устроил эту небывалую атаку на партию.
Борьба против оппозиции сплотила наши ряды. Она идейно укрепила молодежь. В борьбе против мелкобуржуазных течений закалялись большевистская партия и комсомол. Исторические панкеры из оппозиции прочертил нам на завтра полный экономический и политический крах. Завтра нам покажет цену этому прочерку.
Они требуют послать наших стариков, например Токарева и товарища Сегала, к станку, а на их место поставить развинченных барометров Дубаву, Шумский, который борется против партии хочет выставить ким-то героистом. Нет, товарищи, мы на это не пойдем. Старики получают смену, но сменить их будут не те, кто при каждой трудности бешено атакуют партию. Мы единство нашей великой партии никому не позволим разрушить. Никогда не расколется старая и молодая гвардия. Это одно целое, как организм человека. В этом единстве — наша сила, наша крепость. Вперед же товарищи, на борьбу с трудностями, к нашей цели! В непримиримой борьбе с мелкобуржуазными течениями, под знаменем Ленина мы придем к победе!
Панкратов сошел с трибуны, а в партере поднимались множества, и стихийно нарастал торжественный напев пролетарского гимна.
(...)

Часть вторая Глава VII

(...)
Порфирий Корнеевич Кюцам сосредоточенно мешал сахар в стакане и зло поглядывал поверх очков на сидящего перед ним Альбинына.
«Июльское лето», — уже головою разбитая, видела, хлопот отменяли. Уже второй день на моих харчах сидит, и хоть бы что. На кого легче оно мне здесь спадет? Это все Альбиныны штучки. Надо будет подкрутить их хвосты, чтобы вылетел поскорее. Мне от этих партийных и в колоссальной тошноте, везде носы суют, вроде не я заводюющий, а они. А тут на тебе, черт-те откуда приперся», — в сердцах раздумывал он и, чтобы кем-нибудь подсолить гостю, спросил с ехидцей:
— Сегодняшние газеты читали? Перегрелись ваши предводители между собой. Что же выводит — хотя они и политики высшего полета, а не хуже нас, смертных, друг другу ножку подставляют. Потеха. То Зиновьев с Каменевым на Троцкого насядут, а когда им чинов побавлялись, то все обществом на этого грузина, то Бишь Сталина, нажимают.

Эхе-хе! Старая поговорка говорит: «Паны дерутся, а мужиков чубы трещат».
Корчагин отодвинул недопитый стакан, и прилежно в старика лгучим взглядом.
— Это кто же паны-то? — спросил он отчетливо.

Да это к слову. Я человек беспартийный, мне все это ни к чему. Когда-то в молодости дураком был. Даже в тюрьме три месяца в девяносто пятом за разговоры отсидел. Потом вижу — надо за себя думать, а не за других. Небось никто даром не накормит. А теперь у меня такой взгляд. Я вам работаю — гоните монету, что меня лучше обеспечит — тому я и сочувствую. А эти пустые разговоры о социализмах, извините, для дураков. Свобода, если ее идуто дать, тоже только недоразумение получится. Это я власть теперешнюю осуждаю — то за те законы семейные и другие, что привели толпу к полнейшему разврату и безобразию. Захотел — женился и захотел — разженить. Полная свобода.
(...)
Корчагин ощущал какое-то физическое отравление от близости этой потной, жирной туши. Этот старик был воплощением старого каторжного мира, где человек черпал из него энергию, и горячие слезы готовы вырваться у Павла, если, оставшись одно существо, захотеть это отравительное существо, откуда оно только что вылезло, и разжечь зубы, Корчагин заговорил, наваливаясь на стол:
— Вы очень откровенны. Порфирий Корнеевич. Разрешите и вам отплатить такой же откровенностью. Таких, как вы, в нашей стране не спрашивают, хотя бы они строили социализм. Наша армия строителей велика и могущественна. Остановить это невиданное наступление не смог мировой империализм, в руках которого сила побольше вашей. Нет на земле такой силы, которая удержала бы паростарт. А вот таких, как вы, просто заставляют работать на перестройку нового общества, хотя бы они этого или не хотят.
Порфирий посмотрел на Корчагина с нескрываемой ненавистью.
— А если они не подчинятся? Знаете, насиле порождает сопротивление.
Корчагин тяжело опустил руку на свой стакан.
— Тогда мы их... — и Павел судорожно сжал стакан. Тонкое стекло хрустнуло, и из раздаленного стакана вылился на блюдце недопитый чай.
— Вы полегче с посудой, молодой человек. Стакан стоит всеместдесят шесть копеек. — воскликнул Порфирий Корнеевич.
Павел медленно откинулся на спинку кресла и сказал, обращаясь к Лею:
— Вы мне купите завтра десяток стаканов, только потяжее, пожалуйста, стекляных.
(...)

Публикацию подготовили: Евгений БУЗНИ, старший научный сотрудник Государственного музея Н. А. Островского, Алексей СЫСЛОВ и Алексей МЕРНОВ (иллюстрации).